Ги де Мопассан

Сказки дня и ночи

(новеллы из авторского сборника)

ФТМ

Ги д. Мопассан

Сказки дня и ночи

«ФТМ»

1885

Мопассан Г. д.

Сказки дня и ночи / Г. д. Мопассан — «ФТМ», 1885

ISBN 978-5-4467-0918-2

Натуралистическая проза крупнейшего французского новеллиста XIX века Ги де Мопассана стала образцом безоценочного реализма как личного мировоззрения, которое писатель пытается донести до читателя. «Мы всегда изображаем самих себя», – говорит он. Чистота и строгость изображения окружающего мира, в котором одновременно присутствует и прекрасное, и отвратительное, превращают каждую из новелл писателя в духовный поиск, подымающий человека над животным.Сборник «Сказки дня и ночи», состоящий из коротких рассказов, был выпущен в начале 1885 года в виде иллюстрированного издания. Сборник не имеет одной главной темы – новеллы о любви и мести, трусости и достоинстве, жестокости и счастье дополняют друг друга.

ISBN 978-5-4467-0918-2

© Мопассан Г. д., 1885
© ФТМ, 1885

Содержание

Преступление, раскрытое дядюшкой Бонифасом 6
Роза 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Ги де Мопассан
Сказки дня и ночи
Новеллы из авторского сборника

© Перевод. Е. Гунст, наследники, 2019
© Перевод. Н. Дарузес, наследники, 2019
© Перевод. Д. Лившиц, наследники, 2019
© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Преступление, раскрытое дядюшкой Бонифасом
(в переводе Е. Гунста)

В тот день почтальон Бонифас, выходя из почтовой конторы, рассчитал, что обход будет короче обычного, и почувствовал от этого живейшую радость. Он обслуживал все деревни, расположенные вокруг местечка Вирвиль, и иной раз под вечер, возвращаясь широким усталым шагом домой, ощущал, что ноги его отмахали по меньшей мере сорок километров.

Итак, разноска писем кончится рано; он может даже не слишком торопиться и вернется домой часам к трем. Вот благодать!

Он вышел из села по сеннемарской дороге и приступил к делу. Стоял июнь, месяц зелени и цветов, настоящий месяц полей.

Почтальон в синей блузе и в черном кепи с красным кантом шел узкими тропинками по полям, засеянным рапсом, овсом и пшеницей, пропадая в хлебах по самые плечи; голова его, двигаясь над колосьями, словно плыла по спокойному зеленеющему морю, мягко волнуемому легким ветерком.

Он входил через деревянные ворота на фермы, осененные двумя рядами буков, величал крестьянина по имени: «Мое почтение, кум Шико» – и вручал ему номер «Пти Норман». Фермер вытирал руку о штаны, брал газету и совал ее в карман, чтобы почитать в свое удовольствие после полдника. Собака, выскочив из бочки у подножия накренившейся яблони, неистово лаяла и рвалась с цепи, а почтальон, не оборачиваясь, опять пускался в путь, по-военному выбрасывая вперед длинные ноги, положив левую руку на сумку, а правой орудуя тростью, которая, как и он, двигалась размеренно и проворно.

Он разнес газеты и письма по деревушке Сеннемар, а потом снова пошел полями, чтобы доставить почту сборщику податей, жившему в уединенном домике на расстоянии километра от местечка.

Это был новый сборщик податей, г-н Шапати, молодожен, приехавший сюда на прошлой неделе.

Он получал парижскую газету, и почтальон Бонифас иногда, если было свободное время, заглядывал в нее, перед тем как сдать подписчику.

Он и теперь раскрыл сумку, взял газету, осторожно вынул ее из бандероли, развернул и стал на ходу читать. Первая страница его не интересовала; к политике он был равнодушен, он неизменно пропускал и финансовый отдел, зато происшествия страстно захватывали его.

В тот день они были многочисленны. Сообщение об убийстве, совершенном в сторожке какого-то лесника, настолько его взволновало, что он даже остановился посреди клеверного поля, чтобы не спеша перечесть заметку. Подробности были ужасны. Дровосек, проходя утром мимо сторожки, обнаружил на пороге капли крови – словно у кого-то шла носом кровь. «Лесник, верно, зарезал вчера кролика», – подумал он; однако, подойдя ближе, он увидел, что дверь полуоткрыта, а запор взломан.

Тогда дровосек в испуге побежал на село, чтобы сообщить об этом мэру; тот взял на подмогу полевого сторожа и учителя, и они вчетвером направились к месту происшествия. Они нашли лесничего с перерезанным горлом возле очага, его жена, удавленная, лежала под кроватью, а их шестилетняя дочь была задушена между двух матрацев.

Почтальон Бонифас так разволновался при мысли об этом убийстве, ужасные подробности которого вставали в его воображении одно за другим, что почувствовал слабость в ногах и громко проговорил:

– Черт возьми! Бывают же на свете такие мерзавцы!

Он всунул газету в бандероль и двинулся дальше; в голове его все еще витали картины преступления. Вскоре он добрался до жилища г-на Шапати, открыл садовую калитку и подошел к дому. Это было низкое одноэтажное строение с мансардой. Метров на пятьсот вокруг не было никакого жилья.

Почтальон поднялся на крыльцо, взялся за ручку, попробовал отворить дверь, но убедился, что она заперта. Тогда он обратил внимание на то, что ставни закрыты – по всем признакам в этот день никто еще не выходил из дому.

Это его встревожило, потому что г-н Шапати, с тех пор как приехал, вставал довольно рано. Бонифас вынул часы. Было еще только десять минут восьмого, следовательно, он пришел на час раньше обычного. Все равно сборщик податей в это время обычно уже бывал на ногах.

Тогда дядюшка Бонифас, крадучись, обошел вокруг дома, словно чего-то опасаясь. Он не обнаружил ничего подозрительного, если не считать следов мужских ног на грядке клубники.

Но, проходя под одним из окон, он вдруг замер, оцепенев от ужаса. В доме раздавались стоны.

Он приблизился, перешагнул через бордюр из кустиков тимьяна и, вслушиваясь, прильнул ухом к ставню, – сомнений не было, в доме кто-то стонал. Почтальон ясно слышал протяжные страдальческие вздохи, какое-то хрипение, шум борьбы. Потом стоны стали громче, чаще, сделались еще явственней и перешли в крик.

Тут Бонифас, уже больше не сомневаясь, что в этот самый миг у сборщика податей совершается преступление, бросился со всех ног через палисадник и помчался напрямик по полям, по посевам; он долго бежал, задыхаясь, сумка тряслась и отбивала ему бока, но наконец он достиг дверей жандармского поста, совсем запыхавшись, обезумев и в полном изнеможении.

Бригадир Малотур, вооружившись молотком и гвоздями, занимался починкой сломанного стула. Жандарм Ротье держал поврежденный стул между колен и наставлял гвоздь на край излома, а бригадир, жуя усы и выпучив влажные от напряжения глаза, изо всех сил колотил молотком и при этом попадал по пальцам своего подчиненного.

Едва завидев их, почтальон закричал:

– Скорей! Режут податного, скорей, скорей!

Жандармы бросили работу и, подняв головы, уставились на него с удивлением и досадой, как люди, которым помешали.

Бонифас, видя, что они скорее удивлены, чем испуганы, и ничуть не торопятся, повторил:

– Скорей, скорей! Грабители еще в доме, я слышал крики, идемте скорей!

Бригадир опустил молоток на землю и спросил:

– Как вы узнали о происшествии?

Почтальон ответил:

– Я принес два письма и газету, но увидел, что дверь заперта, и подумал, что податной еще не вставал. Чтобы удостовериться, я обошел вокруг дома и тут услышал стоны, словно кого-то душат или режут; тогда я со всех ног пустился за вами. Идемте скорей.

Бригадир спросил, вставая:

– А сами-то вы не могли помочь?

Почтальон растерянно ответил:

– Я боялся, что один не справлюсь.

Тогда бригадир, убежденный этим доводом, сказал:

– Дайте мне только надеть мундир, я вас догоню.

И он вошел в жандармскую вместе со своим подчиненным, который захватил с собою стул.

Они вернулись почти тотчас же, и все трое бегом пустились к месту преступления.

Подойдя к дому, они из предосторожности замедлили шаг, а бригадир вынул револьвер; потом они тихонько проникли в сад и подошли к стене. Не было никаких признаков, что преступники ушли. Двери по-прежнему были заперты, окна затворены.

– Не уйдут! – прошептал бригадир.

Дядюшка Бонифас, дрожа от волнения, повел их вокруг дома и указал на одно из окон.

– Вот здесь, – шепнул он.

Бригадир подошел к окну и приложился ухом к створке. Двое других впились в него взглядом и ждали, готовые ко всему.

Он долго не двигался, прислушиваясь. Чтобы плотнее прижаться головой к деревянному ставню, он снял треуголку и держал ее в правой руке.

Что он слышал? Его бесстрастное лицо ничего не выражало, но вдруг усы дернулись, щеки сморщились от беззвучного смеха, и, перешагнув через зеленый бордюр, он вернулся к своим спутникам, изумленно смотревшим на него.

Потом сделал знак, чтобы они следовали за ним на цыпочках, а проходя мимо крыльца, приказал Бонифасу подсунуть газету и письма под дверь.

Почтальон недоумевал, но покорно повиновался.

– А теперь в дорогу! – сказал бригадир.

Но едва они вышли за калитку, он обернулся к почтальону – причем глаза его весело щурились и блестели – и проговорил насмешливо, с лукавой улыбкой:

– Ну и озорник же вы, скажу я вам!

Старик спросил:

– Почему это? Я слышал, ей-богу, слышал!

Жандарм не мог уже больше выдержать и разразился хохотом. Он хохотал до слез, задыхаясь, схватившись за живот, согнувшись пополам, и уморительно морщил нос. Спутники смотрели на него в полной растерянности.

Но так как он не мог ни говорить, ни сдержать хохота, ни дать понять, что с ним творится, он сделал только жест – простонародный озорной жест.

Они все еще ничего не понимали; тогда бригадир повторил этот жест несколько раз подряд и кивнул на дом, по-прежнему запертый.

Тут солдат вдруг догадался, и его тоже охватило неистовое веселье.

Старик стоял перед полицейскими и в недоумении глядел, как они корчатся от смеха.

Бригадир в конце концов немного угомонился и, шутливо хлопнув старика по животу, воскликнул:

– Ну и забавник, ах, чертов забавник! До самой смерти не забуду, какое преступление раскрыл дядюшка Бонифас!

Почтальон таращил глаза и твердил:

– Ей-богу, я слышал!

Бригадира опять обуял смех. А солдат, чтобы всласть нахохотаться, уселся на траву в придорожной канаве.

– Ах, ты слышал? А свою-то жену ты таким же манером режешь, старый проказник?

– Свою жену?..

Бонифас долго соображал, потом ответил:

– Моя жена… Она вопит, слов нет, когда я ей дам тумака… Да, тут уж она вопит как следует… Что же, значит, и господин Шапати свою колотил?

Тогда бригадир, вне себя от восторга, повернул его за плечи, как куклу, и шепнул на ухо что-то такое, от чего тот остолбенел.

Потом старик задумчиво пробормотал:

– Нет… не так… не так… не так… Моя и рта не разевает… Вот бы не подумал… Быть не может!.. Всякий поклялся бы, что ее режут…

И в смущении, посрамленный, сбитый с толку, он пошел своей дорогой, по полям; а бригадир с жандармом все еще смеялись и, выкрикивая ему вдогонку сальные казарменные шутки, смотрели, как удаляется его черное кепи над безмятежным морем хлебов.

Роза
(в переводе Е. Гунста)

Две молодые женщины словно погребены под цветочным покровом. Они одни в просторном ландо, которое наполнено букетами, как гигантская жардиньерка. На переднем сиденье две корзинки, обтянутые белым атласом, полны фиалками из Ниццы; на медвежьей шкуре, прикрывающей ноги женщин, – груды роз, флердоранжа, мимоз, левкоев, маргариток и тубероз, перевязанных шелковыми лентами. Цветы как бы готовы раздавить два хрупких тела; из этого ослепительного и душистого ложа выступают только плечи, руки и часть корсажей, из них один голубой, другой сиреневый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.